

УДК 343.21

DOI 10.17223/22253513/16/14

В.А. Уткин

ФАКТОРЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Рассматриваются вопросы соотношения международного уголовного права с международным уголовно-процессуальным, международным уголовно-исполнительным правом и международным гуманитарным правом. На основе анализа практики Европейского суда по правам человека определяются международные критерии пенализации. С этих позиций высказаны суждения о перспективах существования в российском уголовном законодательстве смертной казни и конфискации.

Ключевые слова: уголовное наказание, международные принципы пенализации, смертная казнь, конфискация.

Сущность пенализации (от лат. роена – наказание) состоит в установлении в уголовном законе тех или иных видов наказаний за конкретные преступные деяния. В настоящее время большинство ученых вполне обоснованно выделяют пенализацию как хотя и тесно связанное с криминализацией, но все же относительно самостоятельное направление уголовной политики, зависящее от ряда факторов [1. С. 6–7].

В число последних обычно включают основания и условия. И в этом отношении основания криминализации и основания пенализации неидентичны. Основание криминализации – это прежде всего общественная опасность конкретных деяний. Наиболее общее основание пенализации – это криминализация, т.е. нормативное закрепление конкретных юридических признаков общественно опасных деяний.

В зависимости от характера источников такого закрепления можно выделить национальные (в рамках уголовных кодексов и иных уголовных законов) и международные основания (отраженные в первую очередь в так называемых «конвенционных» деяниях, предусмотренных международными актами). Наличие конкретного деяния как «конвенционного» при участии государства в соответствующей конвенции (пакте, соглашении) выступает основанием пенализации на национальном уровне.

Наряду с основаниями пенализации среди ее факторов выделяют условия как обстоятельства, влияющие на вид, размер, содержание наказаний. Данные условия складываются как на национальном, так и на международном уровне. В последнем случае велика роль международного уголовного права.

Относительно предмета международного уголовного права как части международного публичного права в российской и зарубежной юридической науке сложились два подхода. Первый рассматривает международное уголовное право в качестве комплексной отрасли, объединяющей в себе нормы материального, а в некоторых случаях и исполнительного, и «статусного» (организационного, судеустройственного) характера [2. С. 88]. В этом пони-

мании к числу источников международного уголовного права в целом следует отнести принятый 17 июля 1998 г. Римский статут Международного уголовного суда. Он, как известно, содержит нормы материального уголовного права (ст. 5–8, 22–33, 70), процессуальные нормы (ч. 5, 6, 8 ст. 70), «статусные» (судоустройственные) нормы (ст. 34–52), наконец, положения, регламентирующие особенности исполнения наказаний по приговору Международного суда (ст. 105, 106, 107, 109).

Второй подход исходит из наметившейся в последние годы тенденции к обособлению в числе источников международного права норм сугубо материального характера. Этот процесс сопровождается параллельным становлением международного уголовного процесса и международного уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права как относительно самостоятельных отраслей [3, 4].

С таких позиций главными критериями выделения норм международного уголовного права следует признать регламентацию ими определения преступности деяний (международной криминализации) и их наказуемости (международной пенализации). И если преступность деяния как прямая его заприщеченность в международных актах, как правило, устанавливается достаточно конкретно и исчерпывающе, то этого по понятным причинам нельзя сказать о наказуемости, где учет суверенитета государств играет определяющую роль. Кроме того, в этом отношении международное уголовное право в целом менее строго, чем национальные правовые системы, которые устанавливают достаточно узкие рамки санкций [5. С. 50].

Нормы действующего международного уголовного права практически никогда не строятся по классической для национального уголовного законодательства схеме: «диспозиция – санкция». Даже упомянутый выше Римский статут, в наибольшей степени в части его «материальных» норм приближенный к структуре норм уголовных кодексов, санкции «выносит за скобки» применительно к двум группам преступлений, им предусмотренных. Это международные преступления (ст. 6–8 Римского статута) с наиболее суровыми основными санкциями вплоть до тридцати лет или пожизненного лишения свободы (ст. 77, 78) и преступления против правосудия самого Международного суда (ч. 1 ст. 70) с санкциями до пяти лет лишения свободы и штрафом (ч. 3 ст. 70). И в этой связи едва ли реалистично судить о возможности появления какого-либо традиционного по его структуре «международного Уголовного кодекса» даже применительно к преступлениям против мира и безопасности человечества и иным международным преступлениям. Как известно, проект подобного Кодекса, предложенный Комиссией международного права ООН в 1991 г., так и не был принят [6].

Характерно, что и в российских учебниках по международному уголовному праву проблемы наказания освещаются крайне скупо либо вовсе остаются без внимания. Отдельные авторы подменяют вопросы установления наказаний (международной пенализации) вопросами их исполнения и обра-

щения с осужденными (т.е. изложением положений международного уголовно-исполнительного права¹).

Имманентными для всякого национального уголовного права категориями выступают категории преступления (*nullum crimen sine lege*) и наказания (*nullum poena sine lege*). Это, к примеру, отражено в Уголовном кодексе России, где в ст. 2 говорится, что для осуществления его задач Кодекс «определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». В наиболее четкой форме это отражено в нормах Особенной части (диспозиция – санкция).

Между тем объем нормативного материала в международном уголовном праве применительно к преступлению и наказанию несопоставим и явно преобладает в пользу первого. И не только потому, что в международном, как и во всяком национальном праве, видов преступлений гораздо больше видов наказаний, а нормы международного права практически никогда не структурируются по принципу «диспозиция – санкция». Специфической причиной в немалой степени служит то обстоятельство, что нормы материального международного права в этой части неизбежно конкурируют, с одной стороны, с положениями международного гуманитарного права, с другой – международного уголовно-исполнительного права. В такой ситуации выделить собственный предмет международного уголовного права не просто. Тем более что применительно к наказанию нормы международного уголовно-исполнительного права исторически сложились уже в конце XIX в., найдя отражение в решениях некоторых международных тюремных конгрессов.

Целый ряд авторитетных международных актов, не будучи непосредственными источниками международного уголовного права, имеют к нему прямое отношение, определяют базис, направления и условия его развития. Некоторые соответствующие нормы гуманитарного международного права одновременно могут быть интерпретированы и как нормы международного уголовного права. Применительно к рассматриваемой теме следует в первую очередь упомянуть положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. о запрете пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (ст. 5), произвольного ареста (ст. 9), о запрете обратной силы закона, устанавливающего или ужесточающего наказание (ст. 11).

Отметим также нормы Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. о праве на жизнь и ограничении смертной казни; ст. 7 о запрете пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания; ст. 8 о запрете принудительного труда с исключениями в условиях наказания; ст. 10 о целях и режиме лишения свободы; ст. 11 о запрете лишения свободы за невыполнение договорных обязательств; ст. 16 об обратной силе закона применительно к наказанию за преступления.

Аналогичные положения закреплены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 2, 3, 4, 5, 7).

¹ В учебнике «Международное уголовное право» 1999 г. [7] наказание в международном уголовном праве вообще не рассматривается, а в более новом издании 2013 г. [8] этим аспектам уделено всего 23 страницы из 463, причем значительное место отведено именно исполнению наказания.

Примечателен и закреплённый в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним запрет коллективных (суммарных) наказаний за преступления, совершенные отдельными лицами. Этот запрет основан на том принципе, что уголовная ответственность никакой другой, кроме как индивидуальной, быть не может.

Особого внимания в данном отношении заслуживает Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., а именно оговорка, содержащаяся в ст. 1. Согласно ей, в запрещенное Конвенцией определение пытки «не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно». Иначе говоря, страдание, причиненное законной санкцией в отношении лица, признанного виновным в преступлении, не входит в определение пытки. При этом зарубежные юристы отмечают, что Конвенция против пыток прямо не запрещает применение телесных наказаний, которые разрешены некоторыми национальными уголовными кодексами, в частности, теми, которые основываются на законах Корана [9. С. 450].

Вместе с тем, как известно, используемое в национальном и международном праве понятие «санкция» включает в себя наказания, но не исчерпывается ими, охватывая все возможные формы государственно-принудительного воздействия на правонарушителя. Помимо этого, понятие «законная санкция» в данном контексте все же не сводится к формальному ее закреплению в уголовном либо ином национальном законе. Важно, что и сам закон, ее закрепляющий, должен быть правовым, иначе говоря, помимо прочего, отвечать общепризнанным нормам международного права, в том числе изложенным выше общегуманитарным принципам.

Обратившись с учетом сказанного к практике Европейского суда по правам человека, можно отметить ряд аспектов конкретизации изложенных выше принципов пенализации в международном уголовном праве с позиций толкования судом ряда соответствующих статей Европейской конвенции 1950 г.

Прежде всего это касается интерпретации ст. 3 Конвенции о запрете бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Многолетняя практика Европейского суда разработала значение, которое следует давать понятиям, в ней содержащимся, в частности, понятию «бесчеловечного, унижающего достоинство наказания». В отличие от большинства иных статей Конвенции в ст. 3 не предусмотрены никакие исключения. При этом отмечается, что «Суд не может не испытывать влияния современных тенденций развития и получивших всеобщее признание норм в области политики определения наказаний за уголовные преступления в государствах – членах Совета Европы в этой сфере» [10. С. 139].

Запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания в России является конституционным принципом (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ), отраженным и в уголовном законодательстве, где сказано, что наказание не может «иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Такая редакция указанных статей применительно к уголовному наказанию представляется вполне отвечающей духу и букве упомянутых международных актов. Этого, к сожалению, нельзя сказать о ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, которая, на наш взгляд, неосновательно расширяет предмет правовой охраны: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Как видно, в ч. 1 ст. 21 говорится, во-первых, не о «человеческом достоинстве», а о «достоинстве личности», хотя второе очевидно шире первого. Во-вторых, здесь используется довольно неясный термин «умаление». Последнее в отечественной конституционной литературе раскрывается как «нормативное и правоприменительное воздействие... ограничивающее возможности пользования осужденными правами и «свободами» [11. С. 211]. Но ведь всякое наказание по содержанию – лишение, ограничение. Это прямо указано в ч. 1 ст. 43 УК РФ: «Наказание... заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод... лица».

В этом отношении позиция Европейского суда более реалистична. Признавая, что «лицо может быть унижено простым фактом назначения наказания», Суд полагает, что «было бы абсурдным утверждать, что любое наказание по причине унижительного аспекта, который обычно присутствует и почти неизбежен, приобретает характер «унижающего достоинство» в смысле статьи 3». Для признания его таковым унижение и оскорбление, которыми оно сопровождается, должны относиться «к особому уровню, отличающемуся, во всяком случае, от обычного характера унижения, присущего каждому наказанию» [10. С. 152–153]. Таким образом, мера, которая унижает ранг, положение или репутацию лица, может рассматриваться как унижающая достоинство при условии, что она достигает, с очевидностью, определенного уровня жестокости, способного повлечь сильнее физические и моральные страдания, могущие повлечь, кроме прочего, острые психические расстройства [12. С. 146–147]. И хотя Конвенция ООН против пыток, как сказано выше, прямо не запрещает телесные наказания, Европейский суд все же оценивает их как бесчеловечные [13. С. 151]. К их числу могут относиться также конкретные способы исполнения смертной казни, наказания с неопределенным сроком для и особенно малолетних несовершеннолетних преступников [10. С. 153].

Протокол № 6 к Европейской конвенции 1950 г., принятый Советом Европы в 1983 г. и вступивший в силу в 1985 г., предусматривает отмену смертной казни, но делает исключение для преступлений, совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны (ст. 2 Протокола). Протокол № 13 к Европейской конвенции, принятый Советом Европы в 2002 г. и вступивший в силу в 2003 г., содержит более категоричные положения: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» (ст. 1)». При этом никакие оговорки и отступления от данного запрета недопустимы (ст. 2, 3).

Как известно, Россия, вступив в 1996 г. в Совет Европы, помимо прочего, подписала Протокол № 6, хотя до сих пор его не ратифицировала. В ст. 20 Конституции РФ, принятой в 1993 г. (до вступления России в Совет Европы), закрепляется право на жизнь, однако в принципе допускается смертная казнь.

Последняя «впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Действующий УК РФ, вступивший в силу 1 января 1997 г., содержит пять составов преступлений, предусматривающих в числе прочих санкций смертную казнь. Все они связаны с особо тяжкими преступлениями против жизни. Это ст. 105 («Убийство при отягчающих обстоятельствах»); ст. 277 («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»); ст. 295 («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»); ст. 317 («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа») и ст. 357 («Геноцид»).

Тем не менее указанные выше нормы уголовного закона в современной России никогда в полной мере не применялись. Вначале (в связи с подписанием Протокола № 6) в сентябре 1996 г. Президент Б. Ельцин издал закрытое распоряжение о приостановлении исполнения всех вынесенных ранее (на основании норм УК РСФСР 1960 г.) приговоров к смертной казни. В феврале 1999 г. Конституционный Суд России признал вынесение приговоров к смертной казни судами РФ неконституционными, поскольку суды присяжных действовали не на всей территории РФ. Однако и десять лет спустя (в октябре 2009 г.), несмотря на повсеместное появление в России судов присяжных, Конституционный Суд вновь подтвердил запрет на назначения смертной казни, ссылаясь уже на Венскую конвенцию 1990 г. о праве международных договоров.

Совокупность изложенных выше юридических решений по непонятной причине стала впоследствии (вначале журналистами и политиками, а затем — и отдельными юристами) трактоваться как «мораторий», что отнюдь не отвечает общепризнанному в юриспруденции пониманию данной категории.

Эти рассуждения вполне бы заслуживали упрека в схоластичности, если бы в последнее время вновь не обострился вопрос о судьбе смертной казни в России. Отдельные политики, журналисты и стремящиеся повысить свой рейтинг депутаты вдруг решили, что наиболее действенным средством повышения уровня защиты общества «от убийц, наркобаронов, педофилов» будет именно восстановление применения смертной казни. Известно, что в марте 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами — членами фракции ЛДПР был внесен законопроект «об отмене моратория» на применение смертной казни.

Оставив в стороне многочисленные дискуссии о самой целесообразности смертной казни, отметим, что ее «реанимация» в российской правовой системе хотя теоретически и возможна, но во всяком случае не решением (законом, постановлением) высшего законодательного органа страны. По той простой причине, что законы в этой части не менялись, а к приостановлению применения смертной казни Федеральное Собрание не имеет никакого отношения.

Призывы к восстановлению, а точнее, к установлению смертной казни для «педофилов», «наркобаронов» и т.п. сами по себе юридически несостоятельны, поскольку это требует для начала изменения ч. 2 ст. 20 Конституции,

где смертная казнь допускается лишь за особо тяжкие преступления против жизни. Юристы (и не только конституционалисты) прекрасно знают, что изменить положения главы 2 Конституции (где и находится ст. 20) ныне практически невозможно.

Если же говорить о применении (назначении и исполнении) смертной казни по существующим статьям УК, то для этого необходимы как минимум два, по сути, политических решения. Первое – отзыв подписания Россией Протокола № 6. Второе – отмена распоряжения Президента Ельцина 1996 г. о приостановлении исполнения приговоров к смертной казни. И то, и другое решение должны исходить не от Федерального Собрания, а от Президента России, который согласно ст. 60 Конституции является гарантом прав и свобод человека и гражданина и определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

Исходя из того, что предметом международного уголовного права являются три труппы преступлений (международные преступления, преступления международного характера и общеуголовные преступления с международными элементами), ученые (по аналогии с международными преступлениями) пишут о «международных наказаниях» [8. С. 130].

На наш взгляд, подобная аналогия неудачна. Группа международных преступлений выделяется из совокупности так называемых «конвенционных» деяний по признаку их общественной опасности. «Ядро» таких международных преступлений составляют предусмотренные Уставом Международного уголовного суда агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Но никаких особых видов и черт наказаний, им предусмотренных, Римский статút не приводит¹, тем более не говорится в нем о наличии каких-то особых «международных тюрем». Согласно ст. 105–107 Устава МУС назначенное им наказание в виде лишения свободы должно отбываться в тюрьмах той или иной страны, предварительно изъявившей на это согласие, по национальным законам, хотя и с соблюдением международных стандартов обращения с заключенными.

В то же время в отдельных случаях соответствующие международные конвенции (правда, в общей форме) предписывают устанавливать те или иные наказания. К примеру, еще в конце XIX в. в ст. 12 Международной конвенции по охране подводных телеграфных кабелей 1884 г. государства-участники обязывались подвергать виновных в совершении преступлений, предусмотренных Конвенцией, личному аресту, либо денежному штрафу, либо тому и другому наказанию одновременно [13. С. 168]. Статья 3 Конвенции ООН (1988 г.) о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ обязывает каждую страну-участницу Конвенции устанавливать за предусмотренные ею правонарушения такие санкции, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штраф или конфискация.

Особое место в международном уголовном праве занимают рекомендательные акты, стимулирующие расширение альтернатив реальному лишению

¹ В этой связи странным выглядит утверждение, что в системе Международного уголовного суда могут быть применены 12 видов уголовных наказаний, включая смертную казнь [12. С. 126–127].

свободы, в том числе посредством закрепления системы рекомендуемых к законодательному закреплению и правоприменению «санкций». Здесь, безусловно, нельзя обойти вниманием Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г. Статья 8.2 Токийских правил устанавливает 12 видов конкретных альтернативных «санкций», причем данный перечень – не закрытый. Применяя эти меры, суд должен «принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы жертвы, с которой в надлежащих случаях следует консультироваться» (ст. 80.1).

Как уже сказано, термин «санкция» в международном уголовном праве шире понятия наказания, поэтому не все рекомендуемые Токийскими правилами «санкции» суть наказания. Например, «условное освобождение от ответственности» (п. в ст. 8.2), «возвращение имущества жертве или постановление о компенсации» (п. f ст. 8.2).

С аналогичных позиций нужно оценивать такую предусмотренную Токийскими правилами меру, как «конфискация или постановление о лишении права собственности на имущество» (п. e ст. 8.2). Сходная «санкция» предусмотрена во многих иных международных актах, в том числе об ответственности за коррупцию, о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Конфискация как «окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа» закреплена и в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 г.

Как известно, исторически сложились по меньшей мере три вида конфискации: «специальная», «расширенная» и «общая». Мерой уголовного наказания с позиций классического уголовного права может служить лишь «общая» конфискация, которую действующие международные акты хотя и не запрещают, но прямо не предусматривают. Конфискация с позиций упомянутых выше и иных соответствующих международных актов – это чаще всего именно специальная конфискация (которая, собственно, и нашла отражение в ст. 104¹–104³ УК РФ).

В российской юридической литературе отказ законодателя от конфискации как наказания в 2003 г. был подвергнут резкой и во многом обоснованной критике. На наш взгляд, возврат к ней ныне в этом виде вряд ли возможен. В то же время положительную роль, особенно в борьбе с коррупционными преступлениями, могло бы сыграть использование «расширенной» конфискации, но уже в качестве специальной меры безопасности.

Литература

1. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 128 с.
2. Костенко Н.И. Развитие концепции международного уголовного права в отечественной литературе // Государство и право. 2001. № 12. С. 85–93.
3. Костенко Н.И. Судопроизводство международного уголовного суда – основа международного уголовного процесса // Государство и право. 2001. № 2. С. 64–70.

4. Уткин В.А. Международное уголовно-исполнительное право: к концепции формирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 151–153.

5. Велле Г. Принципы международного уголовного права. М.: Транслит, 2011. 882 с.

6. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 51–54.

7. Международное уголовное право. М.: Наука, 1999. 262 с.

8. Международное уголовное право. М.: Юрайт, 2013. 463 с.

9. Франсуаз Буте-Сольнье. Практический словарь гуманитарного права. М.: МИК, 2008. 640 с.

10. Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1071 с.

11. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Норма, 2011. 1007 с.

12. Лулу А.А., Осокина И.Ю. Международное уголовное право. М., 2012. 223 с.

13. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. СПб., 2003. 331 с.

Utkin Vladimir A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI 10.17223/22253513/16/14.

ELEMENTS OF PENALIZATION AND INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Key words: criminal punishment, international principles of penalization, capital punishment, confiscation.

International criminal law is a relatively independent branch of international public law like international criminal procedural law or international penal law. Its subject-matter covers internationally significant relations in the sphere of criminalization and penalization. International criminal law is based on the rules of international humanitarian law and provisions of international criminal procedural law. Moreover, the system of punishments is formed on the basis of state sovereignty. Therefore, traditionally, international criminal law pays less attention to the issues of punishment than those of crimes. International criminal law often uses the notion “sanction” the content of which is wider than that of “punishment”, though, this fact is often disregarded by Russian lawyers.

The position of the European Court of Human Rights in relation to the prohibition of torture, inhuman or degrading treatment or punishment deserves special attention.

Although, capital punishment has not been used in Russia since 1996, the problem of its return is being discussed these days. The author is critical about the return, especially, when capital punishment is recommended for the crimes not involving homicide. What is more, this contradicts the Constitution (Article 20).

In 2003 Russia quashed the punishment of confiscation. In 2006 special confiscation appeared as a measure of criminal character. Being against the return of the above punishments but adhering to the rules of international criminal law, the author supports the extended confiscation as a “security measure” in corruption-related crimes.

References

1. Prozumentov, L.M. (2012) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy* [Criminalization and decriminalization of acts]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Kostenko, N.I. (2001) Development of conception of international criminal law in the literature of our country. *Gosudarstvo i pravo*. 12. pp.85-93. (In Russian).

3. Kostenko, N.I. (2001) Legal procedure of the International Criminal Court is the ground of international legal process. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 64-70. (In Russian).

4. Utkin, V.A. (2002) *Mezhdunarodnoe ugovno-ispolnitel'noe pravo: k kontseptsii formirovaniya* [International penal law: on the concept of formation]. In: Lebedev, V.M. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening the Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 151-153.

5. Werle, G. (2011) *Printsipy mezhdunarodnogo ugovnogo prava* [Principles of International Criminal Law]. Translated from German by S. Sayapin. Moscow: Translit.

6. The Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. (1995) *Rossiyskaya Yustitsiya – Russian Yustitia*. 12. pp. 51–54. (In Russian)

7. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1999) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International criminal law]. Moscow: Nauka.
8. Naumov, A.V., Kibal'nik, A.G., Orlov, V.N. & Volosyuk P.V. (2013) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International criminal law]. Moscow: Yurayt.
9. Bouchet-Saulnier, F. (2008) *Prakticheskiy slovar' gumanitarnogo prava* [The Practical Guide to Humanitarian Law]. Translated from French by E. Kirpichnikova. Moscow: MIC.
10. Salvia, M. (2004) *Precedenty Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Precedents of the European Court of Human Rights]. Translated from French by A.A. Zhukova, G.A. Pashkovskaya. St. Petersburg: Press.
11. Zorkin, V.D. (2011) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Norma.
12. Lupu, A.A. & Osokina, I.Yu. (2012) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International criminal law]. Moscow: Dashkov.
13. Inogamova-Khegai, L.V. (2003) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo* [International criminal law]. St. Petersburg: Press.